
Вера ЗУБАРЕВА

ТЕНЬ ГОРОДА, ИЛИ ПОЭМА О НАШЕМ ВРЕМЕНИ

1.

Снова в городе отключили день.
В тетради — темень, всё вповалку,
Слово на слове... Мир обалдел.
Ему бы сделать редакторскую правку.
Телевизор включает в розетку хвост,
Возвращается к жизни привидение-время
И шарит по ящикам, перетряхивая мозг
И циферблатами глаз наблюдая за всеми.
Только по ним и распознаешь
Расположение клюва в дремучем пространстве.
Но толку что? Оно — филин, ты — еж.
Еще никто не увернулся, не спасся.
Снова ухает.
Колебания масс.
В воздухе носятся
Вирусы бессонниц.
Тревожно ворочаются
Личинки дремоты
В кавернах пней,
В болотных перинах.
По ним, пугая осоловевших лягушек,
Хлюпают мысли барсуков и ежей.

Вера Кимовна Зубарева — Ph. D. Автор литературоведческих монографий, книг стихов и прозы. Первая книга стихов вышла с предисловием Беллы Ахмадулиной. Публикации в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Интерпоэзия», «Нева», «Новый мир», «Новый журнал» и др. Главный редактор журнала «Гостинная», президент Объединения русских литераторов Америки (ОРЛИТА). Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной (2012), Муниципальной премии им. Константина Паустовского (2010) и других престижных международных литературных премий. Преподает русскую литературу в Пенсильванском университете..

2.

Тетрадь под надзором. Сны в опале.
Они теперь только в самиздате,
В тайной расщелине у Лукоморья.
За них дают пожизненную бессонницу.
Население спит с открытыми веками
На случай обыска или проверки.
Самым примерным жалуют га-шиш
Сладкой премии гоголя-нобея.

3.

...Проблеск луны, пустынного берега,
Море кто-то волнует черпаком,
Качается хитон его облачный над зыбью,
Плещется рыб серебряный поток...
...Кажется, мы потерялись в пространстве.
Или во времени. Или в том и другом.
Трудно сказать наверняка, пока
Пространство и время сосуществуют,
Как тело и душа. Пространство — тело.
Время — душа. Оно беспокойно,
Оно разъедает жилы пространства,
Заставляет его пульсировать, болеть,
Сохнуть, обрушиваться, истекать потопами.
Без него пространство окоченеет,
Покроется коррозией, перестанет быть.
Быть или не быть — вопрос пространства.
Это оно, безутешный Гамлет,
Ловит знаки привидения-времени,
Верит в его допотопные рассказы.
Время катится по нему, полыхает,
Как шаровая молния по полю жизни.
Кто перешел его — тот погиб.

4.

Кто мы? Лучше спросить у дуба,
Ему открыто знание знаний —
Как плести паутину, смолить трещины,
Разводить пчел... В его венах
Текут муравьи, а под шляпками желудей
Живут невидимые счетоводы.
Они считают время по формуле:
Путь пространства, деленный на скорость,
С которой оно распадается на элементы.

Дуб уходит корнями в безвидность.
В черной дыре ее спрессовано время —
Без стрелок, без тиканья, добытийное.
На него нацелено изваяние филина,
Отлитое из облака — белого, плотного.
И только кисточки его ушей
Кольшутся в такт вибрациям ночи.

5.

Откуда мы? Говорят, из микробов.
И в них же вернемся, распавшись на множество
Быстрых невидимых поедателей материи.
Они прожигают воздух, как сигареты,
А на месте дыр образуются штопки
Седой паутины, латающей пространство.
Ею опутаны все просветы
В нашем лесу. Иногда на заре
В ней мигают изумрудные мухи,
Как броши в жабо обтрепанных елей,
Задумчиво качаются мумии комаров.
Лес полон тайн непролазных, косматых.
Жизну его распирают бактерии,
Пучат тяжелое брюхо болот
Дети вечного брожения и распада.

6.

В полночь, когда замирает все в дуплах,
Коре, подземельях, запруженных водоемах,
Филин выходит на лунную охоту —
Каждую ночь он охотится на сны.
Они бросаются врасыпную, как мыши,
Чтоб слиться с теменью, превратиться в тени.
Клюв его стрелок остро отточен,
Два циферблата его глаз
Крутят стрелки в зеркальном направлении,
И все живое прижимается к земле.
Кольшутся рыбы на блюде водоемов,
Вязнут птицы в болотах воздуха,
Звери зажмуриваются, и ночной страх
Их погружает в топи оцепенения.
Звери боятся превращений пространства,
Звери читают на языке тьмы.
На нем написаны все инстинкты,
И все стихии разговаривают на нем.

7.

Лес — на подступах к городским улицам,
Стиснуто горло домов и площадей,
Кляпами заткнуты колокольни,
Мычат купола в подушку облаков,
Лежат небоскребы с поломанными хребтами,
По ним разгуливают стада свиней —
Любителей сладких даров Цирцеи.
И только черный дом из пепла
Высится, словно зловещий обелиск.
Всякий раз, как отключают день,
В нем резвится черное пламя,
Мнет бумажные фигурки узников,
И они изгибаются, корежатся, трещат.
Если бы звери умели смеяться,
Они бы ощерились в диком хохоте,
Они бы катались в бурьяне до изнеможения,
Глядя на этот театр теней.

8.

В этом лесу мы самые отсталые,
Самые слабые и никчемные,
С недоразвитыми верхними конечностями,
Объекты глумления насекомых,
Пасынки природы, ловкой и хищной,
Наделившей шерстью и крепкими челюстями
Полноценных детищ о четырех ногах.
Как нам стать настоящими животными,
Не хуже других? А то вечно в хвосте
Плетется племя наше бесхвостое!

9.

Вчера весь мир встревоженно чирикал,
Гугукал, квакал. Что-то происходит,
Но мы не в силах понять, что именно.
И это обидно и стыдно, в особенности
Когда и червяк смышлено кивает
На речи товарищей. Как же быть?
Бобры начинают строить плотины,
Кукушки подбрасывают
Яйца в чужие гнезда.
Мы же бродим по лесу в отчаянии
И спотыкаемся о квазимоды стволов.
Мы самые презренные,
Недоразвитые и неловкие
В этом лесу. И зачем мы — люди?